

В.В. Шапошникова

Грушницкий

Один из центральных персонажей повести «Княжна Мери» в составе романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Имя его неизвестно.

Печорин познакомился с ним в действующем отряде, и они вновь встретились на водах в Пятигорске — Грушницкий был ранен в ногу и приехал сюда на неделю раньше Печорина. Печорин и характеризует Грушницкого.

Грушницкий — уже год как юнкер. Солдатская шинель на дворянине выглядела очень загадочно: в представлении непосвященных он мог выглядеть разжалованным. Но Георгиевский крестик на его груди — высшая солдатская награда — говорит о храбрости молодого человека (хотя эта храбрость — «не русская», по выражению Печорина: он «махает шашкой, кричит и бросается вперед, зажмуря глаза»).

Грушницкий «хорошо сложен, смугл и черноволос», выглядит на 25 лет, хотя ему едва ли 21 год. «Он закидывает голову назад, когда говорит, и поминутно крутит усы левой рукой, ибо правую опирается на костыль. Говорит он скоро и вычурно: он из тех людей, которые на все случаи жизни имеют готовые пышные фразы, которых просто прекрасное не трогает и которые важно драпируются в необыкновенные чувства, возвышенные страсти и исключительные страдания. Производить эффект — их наслаждение; они нравятся романтическим провинциалкам до безумия. Под старость они делаются либо мирными помещиками, либо пьяницами, — иногда тем и другим. В их душе часто много добрых свойств, но ни на грош поэзии. Грушницкого страсть была декламировать: он закидывал вас словами...» Грушницкий говорил Печорину (как до этого какой-нибудь молоденькой соседке), что «причина, побудившая его вступить в К. полк, останется вечной тайной между им и небесами».

Его эпиграммы не злы; он не знает людей и их слабых струн, потому что занимался целую жизнь одним собою. Его цель (как, впрочем, и Печорина) — сделаться героем романа. Печорин уверен, что Грушницкий не любит его за то, что Печорин его понял. И Печорин его не любит — он чувствует, что они столкнутся когда-нибудь «на узкой дороге».

Однако в минуты, когда «сбрасывает трагическую мантию, Грушницкий довольно мил и забавен». Характеристики, которые он дает водяному обществу, остроумны и могли бы принадлежать тому же Печорину.

Грушницкий смог заинтересовать Мери витиеватой французской фразой, а потом случай (оброненный им стакан) дал возможность Мери вновь обратить внимание на Грушницкого. Его хищные страстные взгляды, его комплименты, его стремление быть принятым у Литовских, его кольцо с именем Мери и датой, когда девушка подняла стакан, ночные прогулки после встречи с Мери, его постоянное следование за ней — все это проявление влюбленности Грушницкого; они вызывают ироническое отношение Печорина. Иронизирует он и над одеждой Грушницкого: во время верховой прогулки с Мери смешным кажется «геройское» облачение Грушницкого с шашкой и парой пистолетов; смешон его бальный наряд с эполетами в виде крылышек амура. «Приезд его на Кавказ — также следствие его романтического фанатизма: я уверен, что накануне отъезда из отцовской деревни он говорил с мрачным видом какой-нибудь хорошенькой соседке, что он едет не так, просто, служить, но что ищет смерти, потому что... тут он, верно, закрыл глаза рукою и продолжал так: “Нет, вы (или ты) этого не должны знать! Ваша чистая душа содрогнется! Да и к чему? Что я для вас? Поймете ли вы меня?..” и так далее».

Именно в таком тоне Грушницкий обращается к Мери: «Здесь моя жизнь протечет шумно, незаметно и быстро, под пулями дикарей, и если бы Бог мне каждый год посылал один светлый, женский взгляд, один, подобный тому...» «Смешной восторг» блистал в глазах Грушницкого, когда он благодарил Печорина за спасение Мери на балу. Грушницкий смешно (для Печорина) торжествовал, когда ему показалось, что княжна отвергает ухаживания Печорина.

Тактика Печорина сделала свое дело: Грушницкий скоро надоел Мери. Радость Грушницкого по поводу производства в офицеры скоро исчезла: Печорин занял у княжны мазурку, что страшно разобидело Грушницкого. На этом балу он и драгунский капитан стали составлять «шайку» против Печорина. Но даже отчаяние Грушницкого «забавно» Печорину. Грушницкий начал мстить, распуская слухи о предстоящей женитьбе Печорина на Мери. В Кисловодске Грушницкий со своей шайкой «бушевал» каждый день в трактире, ссорился с окружающими — «несчастья развивают в нем воинственный дух».

Наконец на военной пирушке против Печорина состоялся заговор, где главная роль предназначалась Грушницкому. Это должен быть розыгрыш, испытание Печорина, ибо пистолет Печорина они намеревались оставить незаряженным. После некоторого колебания Грушницкий все же согласился. И случай представился. Драгунский капитан известил Грушницкого о человеке, вечером прокравшемся в дом к Лиговским. Они следили и ждали «счастливец». Им почти удалось схватить Печорина, выходявшего от Веры (Вера и Мери жили в одном доме), но тот ударил драгунского капитана кулаком по голове, сшиб его с ног и скрылся от преследователей, хотя по нему стреляли. Потом они стучались к Печорину, едва успевшему лечь в постель, но он не вышел, иронически сославшись на насморк.

На следующий день в зале ресторации Грушницкий назвал молодежи имя действительного виновника ночной тревоги — Печорин. Увидев в этот момент перед собой Печорина, он «ужасно покраснел». Понуждаемый Печориным отказаться от клеветы, Грушницкий стоял перед ним в сильном волнении, опустив глаза. Только вмешательство драгунского капитана победило стыд и заставило Грушницкого подтвердить свои слова.

Секунданту Печорина Вернеру удалось узнать, что теперь Грушницкий не соглашался на старые условия, хотя капитан предлагал не рисковать. Грушницкий настаивал на расстоянии в шесть шагов. Хотя, по мнению Вернера, Грушницкий выглядит «поблагодороднее» своих товарищей, но он все же соглашается, чтобы друзья зарядили один пистолет.

На месте дуэли доктор предлагает примирение, и Печорин соглашается. Бледный Грушницкий под влиянием капитана принял гордый вид, решив, что Печорин трусит, и в первый раз поднял на него глаза. В этом взгляде было беспокойство, изобличающее внутреннюю борьбу. После выяснения условий Печорина (публичное отречение от клеветы) Грушницкий отказался от примирения. Каждый из противников заявил об уверенности в своей победе, причем Грушницкий покраснел и принужденно захохотал. Тогда Печорин ужесточил условие — стреляться на краю пропасти, и Грушницкий согласился, побуждаемый капитаном.

Лицо Грушницкого ежеминутно менялось — Печорин поставил его в затруднительное положение, — теперь он оказался лишен возможности удовлетворить свою месть легким ранением Печорина, совесть его теперь должна быть неспокойна. Он с жаром начал убеждать капитана в чем-то, очевидно, отказаться от их замысла, посиневшие губы его дрожали. Капитан его не слушал.

Когда они карабкались на площадку, Грушницкий споткнулся, — видимо, знак душевного волнения. Печорин не замедлил напомнить Грушницкого об этой плохой примете, накаляя обстановку и испытывая противника.

По жребию первым встал под дуло Печорин, не открывавший своей осведомленности в подлых намерениях противников. Он хотел пробудить в Грушницком велико-

душие, хотя и подозревал, что самолюбие и слабость характера победят. Грушницкий покраснел вновь — ему было стыдно убить безоружного, с минуту Печорину казалось, что он бросится к его ногам, умоляя о прощении, но и признаться в таком замысле было выше сил Грушницкого. У него еще была возможность выстрелить в воздух, и Печорин был уверен в таком исходе.

Но Грушницкий, хотя колени его дрожали, целил прямо в лоб. Вдруг он опустил пистолет, побледнел как полотно, повернулся к своему секунданту и сказал глухим голосом: «Не могу». После презрительной реплики капитана («Трус!») пуля оцарапала колено Печорина.

Капитан разыграл сцену прощания с Грушницким, и Грушницкий, как показалось Печорину, едва удерживая улыбку, встал на краю пропасти. Печорин предложил ему помолиться Богу — Грушницкий отказался, посоветовав не заботиться о его душе больше, чем о своей. Печорин призвал его прислушаться к голосу совести, но капитан прервал его. Когда же Печорин уличил их обман и капитан не решался принять его вызов, Грушницкий признался, «смущенный и мрачный», — и в первый раз не послушался указаний капитана. Новое предложение Печорина — покаяться — вызвало прилив ненависти Грушницкого. «Лицо у него вспыхнуло, глаза засверкали. “Стреляйте! – отвечал он, – я себя презираю, а вас ненавижу. Если вы меня не убьете, я вас зарежу ночью из-за угла. Нам на земле вдвоем нет места...”» После выстрела Печорина «Грушницкого на площадке не было. Только прах легким столбом еще вился на краю обрыва. Все в один голос вскрикнули». Его окровавленный труп Печорин заметил, спускаясь с горы, и невольно отвел глаза...